

ВЕЛИКИЙ МИСТИФИКАТОР ИСААК БАБЕЛЬ

(Окончание. Начало на стр. 1)

поэтому у нее нет на это времени. Она не сможет приходить на ваши бесконечные заседания, так как до самого вечера работает как инженер». Впрочем, он мог бы и более резковатым — так, однажды на вопрос жены Ежова о моем отношении к ней Бабель ответил, что мне как труящейся женщине не до нее, накрашенной сановницы... Эта реплика, кстати, оказалась отчасти важной для жены Ежова... Да и Бабеля тоже... Елена Соломоновна, словно поставив цель сразу же стать труящейся женщиной, устроилась редактором в издание «СССР на стройке». Муж же сразу, получив возможность подзаработать в этом журнале, позаботился и о Горьком, подготовив посвященный ему отдельный номер!

— В последний период своей жизни Алексей Максимович неоднократно встречался с Ягодой. Как эти встречи комментировал Бабель, будучи близок с Горьким?

— Мы довольно часто обсуждали невыносимую атмосферу, созданную Ягодой вокруг писателя. Все не могли понять, почему же Горький никак не пытался препятствовать тому, что согласно решению Сталина и его дом, и дача находятся под постоянным наблюдением чекистов... После трагической смерти Горького Бабель настоял-таки, чтобы я отдала сделанные им на Капри фотографии вдове — Екатерине Павловне. Помню. Горький был сфотографирован у костра вместе со своим секретарем Крючковым... Последнего, кстати, обвиняли одно время в причастности к органам НКВД...

— Ведь и вас, и Бабеля тоже не миновало своеобразное сосуществование с сотрудниками НКВД. Вроде бы к вашей семье был приставлен литературовед Яков Эльсберг, а к близкому другу вашей семьи, драматургу Михоэлсу, — поэт Ишк Феллер...

— Неожиданно ставший завсегда у нас дома Эльсберг, вроде бы не обладавший никакой властью (всего-навсего рядовой работник издательства «Academia»), к моему огромному удивлению, в некой степени явился хранителем нашего быта. В случае нужды постоянно организовывал нам визиты слесарей и электриков, узнав о том, что я собираюсь заняться ремонтом кухни, самостоятельно нашел мне неплохих маляров. Вообще был весьма предупредителен! Так, однажды сопровождая меня по просьбе мужа в Большой театр, организовал по тем временам необыкновенно роскошную машину — огромную, да еще и черную...

После ареста Бабеля, разодетый словно жених, Эльсберг долгое время приходил ко мне, в среднем раз в месяц. Кстати, никаких провокационных бесед не вел, неторопливо выпивал стакан чаю и, оставив дочери Лиде книжку, вежливо ретировался... Потом его судьба как-то затерялась. Знаю, правда, что после XX съезда партии на одном из писательских собраний он был заклеен как осведомитель и должен был быть уволен из издательства... Не уверена, однако, что увольнение произошло. Впрочем, тогда пришлось бы уволить не одного работника, а сразу начиная с Лесючевского, директора издательства «Советский писатель»...

Что касается Михоэлса, то его судьба словно перекликалась с судьбой Бабеля... Кстати, оба они, как и Николай Эрцман, похоронены на территории московского Донского монастыря. До отъезда в Америку, приходя к могиле номер один, где лежит прах моего мужа, я всегда находила силы и для могилы Соломона Михайловича... Ведь при жизни мы все были так близки! Я и Бабель однажды сказала, что если бы меня обидели, то плакать я стала бы только на гробу у Соломона Михайловича... Он был самым чутким из всех наших знакомых...

— Вы упомянули имя Николая Эрцмана... — Мы с ним тоже много лет близко дружили... Если Михоэлса, этого абсолютного удивительнейшего человека, прежде всего характеризовало необыкновенное обаяние (кстати, его духовная красота, при оживленном разговоре зачастую преображавшая облик этого на первый взгляд невзрачного человека, для меня была просто обжигающей), то Эрцман — необыкновенное остроумие. Отсутствие Эрцмана грозило нашему домашнему застолью потерей остроты беседы...

Уже после гибели Бабеля Эрцман подарил мне не только свою поддержку (что было не очень характерно для того времени), но и чудесный вечер воспоминаний... Так, вскоре после моего возвращения с Кавказа (вместе с матерью и дочерью Лидой мы провели там большую часть войны), предварительно созвонившись, он привел ко мне домой Ольгу Каминскую, замечательную птицу, выезжавшую когда-то вместе с Маяковским для работы в Берлин. Мы провели тогда, проговорив несколько часов подраяд и о Бабеле, и о Маяковском, незабываемый вечер...

Мы встретились с Бабелем спустя два года после его гибели... Однако с уверенностью могу сказать, что мой муж не верил, что к гибели Маяковского подтолкнула именно любовная драма.

— Кажется, Бабель сам пережил некую внутреннюю драму, связанную с его другим ребенком — сыном Михаилом...

— За все время нашей супружеской жизни муж ни разу не обмолвился, что у актрисы Театра Мейерхольда Тамары Кашириной был от него сын. Впрочем, как только Бабель уехал в Париж, его друзья сразу же поведали мне о Мише. Дабы не расстраивать мужа, который тщательно скрывал от меня тот факт этого романа, я, естественно, ни одним словом никогда не дала ему понять, что мне все известно. Поймите, я никогда не вмешивалась в дела своего мужа, даже никогда не задавала вопросов относительно его планов на день или графика встреч. Ес-

ли он считал нужным, то сам ставил меня в известность.

Сейчас же мы с Мишей (которого, кстати, после женитьбы на Тамаре Владимировне Кашириной усыновил Всеволод Иванов) очень дружны. Мишу я очень люблю и поэтому внимательнейшим образом слежу за его московской жизнью и отсюда, из США!

— Как любопытно переплелась судьба Бабеля с театральным миром! Сам он — автор нескольких пьес; внук Андрей — выпускник прославленного Вахтанговского училища. И, наверное, вы, Антонина Николаевна, судя по прозвищу «Принцесса Турандот», тоже имее-те какое-то отношение к миру кулис...

— Это скорее метафора, нежели профессиональное олицетворение. Про меня, когда я работала на Кузнецком металлургическом заводе, в стенной газете была опубликована статья «Принцесса Турандот» из конструкторского бюро». Наверное, начальнику отдела кадров, Красной, написав-

мне пришлось пройти, чтобы добиться установления мемориальной доски и переименования улицы!...

— В ваших мемуарах «Годы, прошедшие рядом» упоминается конфискация писем, которые Бабель писал вам из Франции почти ежедневно почти год... Вы наверняка пытались за них бороться...

— Боролась... И не только за эти 400 писем, среди которых находилась и переписка Бабеля с матерью. Но и за блокноты, фотографии, записные книжки... С работниками ЦГАЛИ различные многолетние консультационные переговоры вела, покойному генералу Волкогонову писала, и историку литературы Шенталинскому, и, естественно, непосредственно в органы обращалась... Безрезультатно.

В то же время мне удалось сформировать свой архив, связанный с деятельностью мужа. Сейчас он находится здесь, в Америке, со мной... Правда, там нет ничего такого,

Исаак Бабель с дочерью Лидой. 1938 год.

шей этот материал, название наваял одноименный спектакль гастролировавшего в то время на нашей стройке московского Театра имени Вахтангова.

Если же рассуждать о нашей совместной жизни с Бабелем в театральной эстетике, то можно сказать, что он для меня был своеобразным Пигмалионом. Он тратил на меня огромное количество душевных сил. Да-да, хотя и до знакомства с ним я, выросшая в провинции, была достаточно образованным человеком и высококлассным специалистом... Но, будучи сибирячкой, я была чрезмерной гордячкой, чересчур прямолинейной и порой не очень внимательной к окружающим. Бабель же научил меня быть естественной, радостно-принимательной, можно даже сказать — своей практически в любом доме, независимо от того, в каком городе или селении он был...

Муж находил время, силы и такт для составления и руководства предельно продуманной программы моего гуманитарного образования. Так, он составлял для меня список литературы, которую я должна была читать. Штудировала ее тщательнейшим образом, начиная с античных времен — и древнегреческие, и древнеримские тексты. Бабель координировал и мои занятия иностранными языками...

— Как известно, он в совершенстве знал и идиш, и иврит. Пытался ли он заинтересовать вас еврейской культурой? Были ли традиции этой культуры свойственны вашему дому?

— Бабель кропотливо переводил с идиш и Рискинда, и Бергельсона. Именно он, будучи крайне недоволен тем, как перевели на русский язык Шолом-Алейхема, которого он считал классиком из классиков еврейской литературы, перевел несколько его рассказов, ранее нигде не публиковавшихся.

А так никакой особой приверженности к еврейской тематике я в Бабеле не чувствовала. Да, воспитание в его семье сказывалось — у него было особо любовное отношение к разным еврейским местечкам. Однако в нашей семье не соблюдались еврейские традиции, да и специальная еда не готовилась. Иногда, правда, Бабель довольно-таки своеобразно подшучивал надо мной... Так однажды, когда я во время нашей загородной поездки к актеру Ливанову испугалась встречного поезда, высмеял меня, охарактеризовав трусливой еврейкой. Порой иронично называл меня жиловочкой...

— Бабель задумывался о парадоксальности судеб своих собратьев по крови? Пастернак оказался крещен в детстве своей нянькой; Эренбург, как известно, принял католичество, Мандельштам подвергся таинству крещения у методистов...

— Для меня однозначно ясно, что Бабель, беспрестанно черпая сюжеты из еврейской жизни, считал себя русскоязычным писателем. И то, что, работая над «Конармией», он взял псевдоним «Лютюв», — символично. (Кстати, есть свидетельства поляков, что рассказы Лютюва для них более ценны, чем разные документы этого периода времени.) В то же время Бабель очень любил свой родной город — Одессу. Даже приобрел там вместе со своим коллегой Львом Славным участок земли, думал переехать жить...

Мне очень неприятно, что в этом городе так плохо относятся ко всему еврейскому. Возможно, это связано с тем, что Одесса является украинской. По-моему, украинцы традиционно недооценивают Бабеля... Юлия, вы не можете себе представить, через какие невообразимо длительные мытарства

что бы не было в архивах ЦГАЛИ. Составлен же он был в основном с одной-единственной целью — дать и исследователям творчества мужа, и мне возможность работы в одном месте, не бегая по различным учреждениям и библиотекам... Как вы понимаете, вряд ли могла идти речь, чтобы Евгения Борисовна, предыдущая жена Бабеля, занималась бабелевскими текстами. Ведь буквально через несколько лет после того, как они обвенчались в синагоге, она уехала... Вот и занимаюсь я одна и архивом, и координацией переизданий. Кстати, внук Андрей мне очень помогает... Мы ведь в довольно-таки непростых взаимоотношениях с московским издательством «Терра», выпустившим в 1996 году двухтомник мужа (перепечатан без разрешения «Худлитовское» издание 1990 г. — Ю.Г.). Андрей пытается вести с ними сейчас переговоры. Естественно, что он, как профессиональный режиссер, подумывает о постановке пьес Бабеля, тем более что у него есть здесь собственный театр. Но сейчас это практически невозможно — нет хороших переводов.

А среди профессиональных российских литературоведов, занимавшихся Бабелем, особо настойчивые мне неизвестны. Пожалуй, за исключением Галины Белой... Она, кстати, мне очень помогла. Ведь трудности

в моей работе с публикацией текстов Бабеля были вызваны не только временной загруженностью, но и издательской политикой. Так, издательство «Книжная палата» не хотело брать на себя публикацию дневника Бабеля до тех пор, пока не будет организована публикация журнального варианта. После длительных исканий, при огромном участии Белой он был-таки опубликован в одном из московских журналов (в «Дружбе народов», 1989, №12. — Ю.Г.) Потом, естественно, и в сборниках... Одна, правда, оплошность вкралась — из-за некоторого расплывчатого введения у читателя могло сложиться впечатление, что дневник опубликован целиком. А ведь первые страницы были утеряны...

В отношении же той истории с конфискацией архивов я добилась лишь одного — того, что однажды ко мне домой пришли двое в штатском, чтобы выразить свое соболезнование по поводу «пропажи архива Бабеля»...

— Вы присутствовали при аресте Бабеля в Перedelкинe 15 мая 1939 года?

— Фактически я сопровождала туда сотрудников НКВД... В тот день меня разбудили на нашей московской квартире где-то около пяти утра. Мне сказали, что я должна поехать на дачу в Перedelкинe, так как Бабель может знать человека, в поисках которого власти чрезвычайно заинтересованы. Конечно, я сразу же почувствовала, что все гораздо запутанней и сложнее! Естественно, мои сомнения укрепились, когда я увидела, что часть пришедших осталась у нас в квартире... А когда я увидела двоих сопровождающих в машине, к которой меня подвели, совсем пала духом... Мы практически не разговаривали, так как дорога водителю была прекрасной известна. Позже, откликаясь на вопрос сонного Бабеля о том, кто стучит в дверь, попыталась сказать «я» — себя не узнала... Помню, что Бабеля, не сразу открывшего дверь (он не мог себе позволить выйти раздетым), сразу же после команды «руки вверх» стали обыскивать. Попутно скидывая при этом находившиеся в комнате рукописи в огромный мешок...

Потом нас повезли на Лубянку. Чекисты разделились — один сел на заднее сиденье, другой рядом с нами. Дабы смягчить ситуацию, улынувшись Бабелю, сказала, что буду стараться думать, что он — в Одессе. Добавив: «Жалко, писем не будет...» Мгновенно откликнувшись, Бабель стал сокрушаться, что ему будет не хватать и писем от матери. А потом сказал: «Мне бы очень хотелось, чтобы девочка не была жалкой...» И тут один из чекистов почему-то счел нужным сообщить, что ко мне «у них претензий нет»...

На прощание, уже перед выходом из машины, поцеловав меня, Бабель сказал только одну фразу: «Увидимся когда-нибудь...» И, не дав мне выйти из оцепенения, ни разу не оглянувшись, ушел...

Рукописи его неопубликованных произведений исчезли. Тщетно искала их вдова писателя, Непоможенного на писателя.

Благословенна тщетная свеча. Благословенна революция, избравшая нас между народами земли, —

Писал Лютюв, Исаак — пророк. Учения о тачанке.

Ян Сатуновский. Из цикла «Бабель». 7 декабря 1967 г.

Вашингтон—Москва